

Евгений Ярыгин

Колька, Сенька, Ермошка

и Змей Горыныч

Продолжение правдивой истории о
приключениях Кольки, Сеньки, Ермошки

12+

Евгений Ярыгин
**Колька, Сенька, Ермошка
и Змей Горыныч**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Ярыгин Е.

Колька, Сенька, Ермошка и Змей Горыныч / Е. Ярыгин —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

Колька, Сенька, Ермошка живут, как известно, в Дубраве - это ребячье поселение где-то в шестом измерении, куда Добряки, так зовут проживающих здесь мальчишек и девчонок, переносятся на каникулах. Разноцветные домики, в которых и живут Добряки, приросли к вековым дубам. Ребята промышляют рыбу, охотятся, собирают грибы и ягоды, сеют-убирают овес, сажают-убирают картошку, делают заготовки на зиму - короче, все делают своими руками. > Ермошка - главный по промыслу рыбы, Колька готов обмозговать любое добряцкое дело, если оторвать от задачника, Сенька вообще-то волшебница, но ей не до того, так как надо накормить братьев и переделать кучу дел по хозяйству, присмотреть за вредными козами, отогнать Бабу-Ягу. А еще без нее никакая рыбалка не ладится. > К дракону, объявившемуся в здешних местах, ребята отнеслись как к делу обычному: ну дракон, эка невидаль. Хулиганист, правда. Колька с Кот Котычем внимательно следят за событиями.

Содержание

Глава 1. Места славного обитания добряков	6
Глава 2. Пришествие горюнов	7
Глава 3. Необитаемый остров	13
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Евгений Ярыгин
Колька, Сенька, Ермошка и Змей Горыныч

Глава 1. Места славного обитания добряков

Осенью добряки называют время, когда на землю с дубов начинают осыпаться желуди. А до этого бывает лето, потому что еще можно бегать босиком, собирать грибы и даже купаться. Вся листва пока желтеет на ветках, а сильные ветра дремлют в горах и на море.

Ядвига-Большая книга почему-то называет это время «бабье лето». Никто не понимает почему: последняя баба-яга по прозвищу Синий Огурец была изгнана из окрестностей Дубравы уже как два года тому назад. Других баб в округе никто не знал, потому что в этих местах дружно и весело проживали в домиках на деревьях только мальчишки и девчонки, которые и прозывались добряками.

Дубрава, где обитают ребята потому и называется Дубрава, а не какие-то Сосняки, Березняки или Осинники, что растет здесь множество огромных вековых дубов, а не вековых – маленьких и кудрявых – тоже сколько хочешь.

Когда солнышко по утрам пробивается через могучие кроны, его лучи отражаются от разноцветных стен и красных крыш домиков, прильнувшим к дубовым стволам высоко над землей. Если ты смотришь на это с крыльца одной из избушек, протирая кулачками глаза после сна, то тебе становится так радостно, весело и легко, что ты сразу начинаешь пританцовывать и петь песенку. Это такая зарядка. И поешь-щебечешь ты не один, чирикают голосистые пестрые птички с веток и озорные добряки с соседних домиков на деревьях. «Катится, катится – чирик-чирик – голубой вагон».

Воздух в Дубраве такой чистый, хрустящий и бодрый, голоса ребятни и птичек такие звонкие, резная листва так золотится, а небо так голубеет, травка внизу так зеленеет, что можно подумать: ты в сказке.

И «проколоться», как пишут во взрослых книгах про плохих дядек. То есть ошибиться, так как на самом деле сказки может где и есть, но только не в здешних местах. Посудите сами. Всё добряки делают сами – никаких чудес: и строят, и сажают-убирают картошечку, овес или рожь – кто что любит, – ловят-заготавливают рыбу, охотятся, собирают грибы, ягоды. И едят сами себе готовят. И всё-всё, что ни делается, делается почему-то не по-щучьему велению, чьему-то там хотению и не с помощью скатерти-самобранки. Ребята считают, что делать всё самому веселей, чем сидеть мягким местом на всем готовеньком и набивать круглые щечки мороженым и пирожными.

То, что кажется сказкой за пределами Дубравы и окрестных мест, дела, поверьте, обычные для добряков. И то сказать: ребята с веток любители поспорить и подшутить друг над другом, но не знают злобных слов (это им не интересно), любят посоревноваться в чем угодно, но не завидуют победителю (это им не по нраву), а только радуются успехам друзей. Да что там говорить, сами убедитесь, когда познакомитесь с этой историей: что в других местах почитается за чудо, у добряков – дела житейские. Может воздух такой в дубовых рощах? Сходите, проверьте. Заодно грибков подсоберёте.

Ну вот, в этих славных местах и проживают всем хорошо известные Колька-Ой-Боюсь-Нисколько, Сенька-Покушаю-Маленько и Ермошка-Попрыгаю-Немножко.

Глава 2. Пришествие горюнов

Как-то поутру, когда солнышко уже выглянуло из-за деревьев, но еще не высушило росу, а многие добряки уже закончили зарядку и готовились позавтракать, на околице Дубравы раздались весёлые переливы гармошки. Время поздней унылой осени еще не пришло, и в безветренном, звонко-арбузном воздухе сентября задорная музыка, голосистая частушка и притопывание на въезде в ребячье поселение никого не оставили равнодушным. Кроме тех, кто еще крепко дрых, – это правда.

Гармонь зазывно пиликает все ближе к Центральной Поляне Дубравы и, наконец, у порога избы-читальни те, кто спустился из домиков на землю, смогли обнаружить виновников веселого переполоха. Это были три крепких парня, ростом и сложением с Юру-Ура-Ура. Они были в красных перепоясанных рубахах навывпуск, непонятных штанах с блеском, заправленных в глянцевые черные сапоги из добротной кожи. Никаких кроссовок. Вместо джинсов – бархатистая темно-серая ткань портков – плис. Все из себя в блондинистых кудрях, белозубые, они умудрялись втроем наяривать на одном инструменте. Музыкальный аккомпанемент и азартное пение были не то, чтоб сильно приятными для слуха, но дружными и очень бодрящими. В конце концов к клубу притопали, пришагали, примчались, почитай все добряки и добрячки.

перехожих, сирот бездомных, не обижайте мордобитием за раннее пробуждение! – дружно орала тройца. – Просим мы при-

юта, пищи и уют, – верещал ломким голосом со слезой средний

Двое других не в тон словам почему-то приплясывали и весело вопили: «Эх-ма, тру-ля-ля, бейте в бубен короля!».

Добряки растерянно улыбались и озадаченно переглядывались: и слова, и поступки пришельцев были непонятны и загадочны. Проблеск понимания угадывался, может быть, лишь в глазах Ядвиги: где-то о подобном читала.

Троица между тем опустила гармонь на землю и дружно, в лад низко поклонилась обществу добряков. Их кудри при этом взметнули вверх пыль с вытопанной лужайки.

Гармонистов, как оказалось, звали Горюн Уан, Горюн Ту и Горюн Трес, а забросило их, по их же словам, к добрякам неведомой силой великой. Темной и невиданной. Были они в прежнем миру коробейниками, купцами переметными, что по селам хаживали, добрый товар людям втюхивали, или, попросту говоря, – всучивали. На последнем слове Горюн Уан запнулся после незаметного пинка от горюна Трес, но быстро поправился: «предлагали товар добротный, импортный, но завистники коварные, конкурентами прозываемые, извели со светушка!». Тут каждый из троицы враз смахнул слезу рукавом с левого глаза.

– Ой, ни кола, ни двора, ой, третий день ни росинки маковой во рту не было, – убедительно причитал Горюн Ту. – Ой, приютите, люди добрые, поделитесь коркой хлеба черствого, дайте воды испить!». Гармонисты при этом зачем-то разом притопнули и пустились плясать вприсядку. Затем прервали пляску, встали, упершись кулаками в бока, и горюн Трес абсолютно спокойно заявил: – Просим накормить нас, выделить нам участок под строительство заимки и оказать всякую помощь и кредит. Мы беженцы, мы имеем право.

Горюн–3 многозначительно умолк, остальные Горюны встали по стойке «смирно» и почему-то как один уставились на Кольку-Ой-Боюсь-Нисколько.

Кольку с вечера искушали комары, и у него под шортами сзади нестерпимо зудело; он свирепо скрёб укушенное место и проклинал себя за то, что вовремя не натерся хвойной водой, тогда еще, накануне, до похода в избу-читальню. От увлекательного занятия он вынужден был отвлечься, когда понял, что все смотрят на него. Колька перестал чесаться и вопросительно взглянул на Ядвигу. Затем перевел взгляд на Ермолая. Тот с укором покачал головой:

«Предупреждал вчера, однако. Люди просят убежища, хватит чухаться. Айда в избу, будем говорить!» – Ермак обратился ко всем и махнул рукой в сторону читальни.

Добряки, они на то и добряки, чтобы жалеть всех, кто в беде, – и Ядвига, после того, как Коля подвел итоги общего обсуждения, объявила пришельцам: «Друзья Горюны, добряки принимают вас в общество и помогут обустроиться. А пока поживете в избе-читальне».

Добряки сердечно приветствовали пополнение Дубравы, предложили всяческую помощь, побежали за едой. Барбоска радостно лаял, вилял хвостом и радовался новым соседям. И только Котыч кружил вокруг братьев-горюнов – шерсть дыбом, хвост трубой. Не нравилось ему это чужое диво. Ох не нравилось! Стойкий запах древесной смолы-скипидара, идущий от сапог гостей, забил ему не только ноздри, но и все нутро. Он отскочил, чтоб не задохнуться. Отдышался и тут же унюхал сладкий дух черничного варенья: «Сенька, ясно дело. Грудь очистилась от чуждого смрада. Тут же Кот понял, что пробивалось через густой дух скипидара. Запах серы!

Горюны оказались не только мастаками попеть и поплясать, но и искусными строителями. С единодушного согласия добряков и благодаря их дружной помощи, братья активно взялись за стройку. Участок для дома они получили на Центральной Поляне, недалеко от избы-читальни и поодаль от избушки Кольки, Сеньки и Ермошки. Не прошло и недели, а участок уже был расчищен, подвезены бревна, заложен фундамент. Дом было решено строить на земле, а не на ветках, как у добряков.

Не дожидаясь окончания строительства дома, пришельцы сколотили из досок будку, куда и переселились со всем своим скарбом, то есть с гармошкой.

Бедствовали гармонисты, однако, не долго, и вскоре Коля по-соседски обнаружил появление нового имущества на растущей усадьбе. Сменился и облик: куда делись рубахи-распи-сухи, сапоги и штаны из допотопного плиса. Молодцы уже на третий день облачились в синие крепкие джинсы, кожаные черные кроссовки, стильные безрукавки. На голове у них красова-лись бейсболки. Добряки подарили новым поселенцам топоры, пилу, Юра-бондарь снабдил их разнообразным столярным инструментом, но наблюдательный Колька заметил и кое-что еще. Дело в том, что пришельцы вскоре, шумно поблагодарив добряков, от их помощи отказа-лись, сославшись на нежелание нагружать «людей добрых» своими заботами. Не прошло и пару дней после этого, как на стройке обнаружился новенький движок с генератором, чтоб давать строителям свет. Это, конечно, не прошло мимо острого колькиного глаза. И не только его: за новыми поселенцами неотрывно следил Котыч. Вместо обычной двуручной пилы хлопцы включали невиданную в Дубраве прежде бензопилу. Гвозди, доски, жесть для крыши возни-кали в ящиках, штабелях и добротной упаковке из ниоткуда. Дом рос, как на дрожжах.

Добряки, освободившись от дел, захаживали на стройку подивиться и порадоваться за искусных работников. Доброе умение красиво трудиться высоко ценилось у поселян, и они, очарованные, никаких странностей не замечали. Да, правду сказать, обитатели Дубравы и сами необычны – что им до чужих странностей. Но только не Коле.

Дело в том, что Котыч поделился своими сомнениями с Водилкиным – другое колькино прозвание – и тот следил за всем происходящим с повышенным вниманием.

Ну, да как говорится в сказках: быстро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Или наоборот, забыл. Дел у добряков всегда невпроворот, хоть и картошка уже давно убрана, в погребах урожай овса, ржи спрятан под навес, рыба, икра засолены – на леднике. Да грибную пору пропустить нельзя, рыбаки в море на краба, креветку выходят. Дровишек, опять же, на зиму следует загодя напилить, да наколоть. Деревенские обо всем этом знают, что тут говорить!

Как-то вечером наши герои отправились в избы-читальню: Кольке Ядвига намекнула на новую книгу: он сгорал от любопытства. Сенька сговорила с Софьей и Викой на распевку, а Ермак наметился встретить Юру-бондаря и рыбаков насчет отправки соленой рыбы баржами к Волшебнику. В обмен рассчитывали получить нужные добрякам товары.

Ермак, хоть и сразу заметил долговязую фигуру Юры в большом зале читальни, однако не смог пройти мимо жаркой схватки в настольный теннис между Кайданом-Держи-Кардан и Матюшей-Солены-Уши. Зрители бурно приветствовали каждый удачный удар, и Ермоша, постояв немного за их спинами, прикинул, что скоро Матюша станет ему грозным соперником. Пока Ермолай пробирался к своему другу-бондарю, он успевал поздороваться, улыбнуться, похлопать по плечу, получить дружеский тычок в бок, с радостью встретить другие знаки дру-жеского внимания. И ответить с удовольствием. Взрывы смеха, споры, доброжелательный гул, родные лица друзей. Что может быть лучше для души? Ничего, согласитесь.

Едва Ермак поздоровался с Юрой, как с порога избы-читальни раздались переливы гар-мони, топот и пронзительные вскрики залихватской песни. «Ехал на ярмарку молод купец, молод купец, удалой молодец ...». Горюны снова были в своих ярких рубахах и хромовых бле-стящих сапогах. На этот раз лишь Горюн-Уан наяривал на гармошке, а братаны выплясывали знойный танец, пускаясь вприсядку. Ребяшня радостно встретила гостей приветствиями, улыб-ками и хлопаньем в ладоши, то есть аплодисментами. Все расступились, и, не прекращая пляса и игры на веселом инструменте, троица проследовала к сцене. На сцене возвышался большой стол, за которым несколько пар добряков играли в шахматы. Точнее, они уже не играли, так как с растерянными улыбками дивились на новых гостей, оставив на досках патовые ситуации.

Едва молодцы в красных рубашонках достигли края помоста с шахматистами, они разом прекратили вокально-инструментальный номер, и горюн Уан призывно завопил: «Добро здрав-ствовать, хозяева и хозяйюшки. Примите в общество гостей хоть не званых, но душевных. Отведайте за здравие наше угощение!».

Не успел горюн закончить предложение, а два оставшихся притопнуть сапогами, как в дверь читальни на тележке въехал объемный бочонок. Тележку катил Матюша-Солены-Уш, но его поначалу за пузатой емкостью не было видно. Только когда колеса застучали по деревянному полу главного зала, все узнали конопатое задорное лицо и услышали звонкий Матюшин призыв:

«А вот мороженое, подарок купеческий, сказочный! Налетай, ребята! Подноси посуду!».

Добряки было умолкли, но затем восторженно загомонили. Как иначе: мороженое было лакомством, доступным ребятам лишь пару раз в году. Именно поэтому теннисисты вскоре перестали играть в теннис, шахматисты в шахматы, стихла песня, смолкли ораторы: в зале раздавались лишь трели гармошки, перестук чашек, плошек да деревянных ложек. Мороженое было клубничным.

Ермак с Юрой из одного угла читальни, Коля с Ядвигой из другого изумленно взирали на своих добрых друзей и не узнавали их. Родные лица изменились до неузнаваемости. Волшебные сияющие глаза Есении потухли, на их месте темнели два огромных черных пятна, втягивающих в себя свет. Расписная ложка в её смуглых, тонких ручках ритмично мелькала над огромной студеной тарелкой с розовым дымящимся сугробом в ней. Кейдан-Держи-Кардан застенчиво отвернулся к стенке и, склонив голову над тарелкой, уписывал за обе щеки клубничную снедь. Оливка, Софья и Вика-Бибика лопали из одной огромной, похожей на лохань, миски. Марк-Клюшкой-Бряк растерянно держал в одной руке плошку, полную розового добра, и искал куда пристроить клюшку, что он сжимал другой рукой – не ей же черпать. Все, кто отыскал посуду, азартно потребляли мороженое, остальные торопливо перемещались по залу и вокруг бочки в поисках инструмента. Над всем висели звуки пронзительно пиликающей гармошки, дробный топот каблучков с подковками и не совсем стройное, но добротное, призывное пение со множеством «ух! эх-ма! давай, наяривай!».

При виде такого Ядвига окаменела, Коля шурил глаз и чесал за ухом, Юра хмурил брови, Ермолай сжимал кулаки и не знал что делать, Барбоска лежал под столом, на котором высился бочонок, и искал левым открытым глазом Кота.

Кот Котыч, тем временем, занял господствующую над залом позицию, что характерно вообще-то для кошачьих. Позиция эта располагалась на деревянной балке, идущей под потолком поперек зала и прямо над бочкой с мороженым. Глаза Котыча метали желтые молнии, их целью были тройка исполнителей в красных рубахах, гармонь и излучающая холодный розовый свет бочка.

Барбоска учуял запах друга, идущий откуда-то сверху, и высунул голову из-под стола, повернув ее затем влево и вверх. При этом левое ухо закрыло ему левый глаз, а правым смотреть вверх было неудобно. Это, тем не менее, не помешало ему что-то увидеть, унюхать и понять. Немного поразмыслив, он пришел к выводу: Котыч настроен решительно. Мысль об этом и прыжок его рыжего приятеля состоялись одновременно. Если точнее: Кот Котыч спрыгнул с потолка прямо в бочку с мороженым.

Никто, кроме Кольки и пса, этого не заметил, поэтому то, что случилось следом, стало шоком, то есть неожиданностью, испугавшей всех. Вот как все происходило: сначала в мороженое упал лимонного цвета шар, затем из бочки повалил желтый едкий дым, после раздался треск: бочка разлетелась на мелкие части. Что-то завизжало, дым разметало по всему залу, и в воздухе ужасно завоняло. Чем бы вы думали? А кошачьими писюлями. Ужасней запаха в мире не бывает! Тот, кто вздохнул пропитанный зловонием воздух, мгновенно выплюнул мороженое, которое приобрело запах не клубники, а наоборот. Что такое наоборот никто не успел понять, потому что изумленно обнаружил себя там, где себя и потерял, то есть в читальне, окруженным как бы пробудившимися от дурного сна друзьями .

последний раз и упала на пол, Колька обдумывал увиденное и услышанное. Кот Котыч почему-то снова оказался на балке

под потолком. Он, похоже, дремал, так как пребывал в позе кала-

чика.

Глава 3. Необитаемый остров

Похолодало. Время близилось к началу осенних штормов, и Ермолай решил, что до прихода ненастья надо еще раз выйти в море, чтобы снять ловушки на креветок и краба. Так было решено ко времени, когда полностью созрели желуди и дубы начали ронять листву на пожухлую траву. В окрестностях появились дикие кабаны; уже и охотничий сезон не за горами.

История с мороженым, хотя нет-нет и вспоминалась в ребячьих беседах, быстро растворялась в повседневных делах и заботах. Вопросы остались, однако Добряки не досаждали ими горюнов, надеясь, что все как-то разъяснится со време-

нем.

Горюны, меж тем, закончили стройку, удивив всех огромной, почти с клуб, двухэтажной избой с непонятной вывеской «лабаз» над большой входной дверью. На первом этаже лабаза был склад, заставленный разным полезным для добряков товаром: от рыболовных крючков и сетей до соли, сахара, муки и, что характерно, карамелек и мороженого. Все это выдавалось

в обмен на соленую рыбу, икру, сушеные белые грибы, поделки из дуба и не только. Получив товар, вместо оплаты можно было отработать на огороде, складе и по хозяйству у горюнов. Ермак сам накануне приобрел две свечи зажигания для лодочного мотора в обмен на десяток знатных туесов-корзиночек из бересты, сделанных умелыми руками Сеньки. Бересту к ним готовил Колька. Туеса – семейное дело, ермаковцы этим сильно славились.

В день выхода в море Ермак поднялся с рассветом, вышел на крыльцо, потянулся, зевнул. Тихо, на востоке засветилось, зазолотилось. Наскоро сделал зарядку, Ермолай прикинул, что встающее солнце не отсвечивает красным – стало быть шторма скорее всего не будет. Брат с сестрой вскоре оказались рядом со старшим и усердно принялись размахивать руками и делать наклоны.

«Погода подходящая, да вот вода наемдни в лужах пузырилась: к непогоде, всяко может в осень случится. Надо бы поспешить», – рассуждал Колька, не переставая приседать, поэтому получилось: «на-до-бы-пос-пе-шить». Ермак все равно разобрал Колькину речь и поспешил к двери, успев толкнуть брата в лоб, когда тот вставал из приседа. Колька шлепнулся на пол, но быстро вскочил и попытался пнуть в ответ старшего брата. Тот, однако, уже прошмыгнул в дверь. Дело было на десятом приседании, оставалось еще двадцать, и Коля невозмутимо продолжил зарядку. Сенька хихикнула, не переставая молотить кулачками воздух.

На берегу свежий ветерок дул в сторону моря. Волны тихо шлепали по песку. Лодка, небольшой рыбацкий кунгасик с мотором, подвешенным на корме, мягко колыхалась на воде у берега. К кунгасу привязана веревка, другой конец которой крепился к хитрому рыбацкому якорю, больше похожему на стального паука. Якорь был зарыт в береговой песок и надежно привален бревном. Ермак за веревку подтащил кунгас к берегу. Вычерпали из лодки ковшиком воду, проверили мотор, загрузили мешки под улов, весла. Коля с Сенькой запрыгнули на борт, а Ермоша отвалил на берегу с якоря бревно и, расшатав, выдернул его из песка. Запрыгнул в лодку, оттолкнулся веслом от дна, брат сделал то же самое другим веслом. Ермак перешел на корму и завел мотор. Направление, а точнее, курс, взяли на буи, к которым крепились ловушки на краба и креветку, десяток которых покоился на дне в паре миль от берега на зюйд – юг, то есть.

Пока шли к ловушкам, что заняло менее получаса, – начал подниматься ветер. Особого беспокойства у ребят это не вызвало: работы в море на час, не больше: случись усиление ветра, успеют от шторма удрать.

Улов был на славу: в ловушках было два десятка крупных крабов и почти полмешка креветок набралось после проверки снастей, поднятых со дна в кунгас. Освобожденное от улова рыбацкое хозяйство уложили на носу лодки, краб, креветка – в мешках, пора и домой.

Ермак встал коленями на кормовую банку-сиденье, повернувшись спиной к ребятам, а лицом к мотору, и начал резко дергать веревку-стартер. Так лодочный мотор заводится: дерг-дерг и – бр-р-р – мотор заработал. Но не в этот раз.

Мотор не заводился. Ермака сменил Колька. Проверили бензин: в баке еще болталась добрая половина горючего. Да канистра в запасе. Ветер меж тем усиливался, начинался отлив. Ермак вытер пот со лба и продолжил дергать. Сенька с Колькой сели на весла грести и, пыхтя, старались держать лодку носом к берегу. Выгребать против ветра и поднимающейся волны становилось все трудней. Кунгас, как ребята ни старались, сносило в открытое море.

– Проверь свечи зажигания, – пропыхтел Коля, с трудом выгребая веслом, упираясь в дно лодки и отклоняясь всем телом назад.

Свечи зажигания, кто не знает, – важная часть двигателя. Именно они поджигают бензин внутри, заставляя крутиться мотор.

– Только наемдни новые поставил, – дернул двумя руками стартерную веревку Ермолай, – сам знаешь!

Присел обессиленный на банку, рукавом вытер мокрое лицо. Обтер ладони о брюки, подул на них и полез под сиденье за инструментом. В мешочке из непромокаемой ткани хранились гаечный ключ, щипцы-плоскогубцы, складной нож со множеством лезвий и, обычно, запасная свечка, завернутая в мягкую тряпицу.

Ермак снял крышку двигателя, привычно быстро выкрутил свечу, подул на нее и, прищурившись, начал рассматривать на свет. На том месте, где должна быть проволочка-электрод, чернел обуглившийся пенек: свеча была, образно говоря, огарком, не годным к работе. Вторая свеча оказалось копией первой. Ни запасных, ни даже старых использованных в мешочке не было. Ермолай мог и не смотреть: он это точно знал, так как сам посчитал лишним при новых свечках возить с собой запас. Тем не менее он судорожно рылся в мешочке, надеясь на чудо. Чуда не произошло. Когда и Коля понял, что случилось, мальчишкам стало страшно. Ермак сел на весла и начал со всех сил грести против ветра и течения назад к берегу. Выходило плохо, а ветер становился все сильнее: дело шло к шторму. Сенька с Колькой сидели на кормовой банке, прижавшись друг к другу. Коля пытался использовать подвесной мотор как руль, не давая волнам развернуть кунгас бортом к волне. А Сеньке было весело: ветер свистит, волны бьют в нос кунгаса, задорные лучи солнца пробиваются сквозь облака, по поверхности моря побежали веселые белые барашки. Приключение! Что может быть лучше!? Если кто забыл, напомним то, о чем все знают: Есения начисто лишена чувства страха. Такая вот особенность характера.

Ермак скоро понял, что грести в таком темпе, чтоб противостоять волне и ветру, он долго не сможет. Он уже выдыхался, а ветер только начал разгоняться. Волны били в нос кунгаса чаще и сильнее, подбрасывая лодку вверх и опуская с размаху обратно в синие провалы соленой морской воды. На ребят уже садилась не только соленая водяная пыль, но сваливались ушаты холодной воды. Одежда быстро промокла, в лодку начала набираться вода. Сенька схватила черпак и начала вычерпывать гуляющую по дну судна воду. Она работала ловко и сноровисто – так, что не только успевала осушать прибывающую воду, но и согреться немного. Коля держал обеими руками рукоять руль-мотора, смотрел с тревогой на старшего брата, мерз и думал.

«Братик, разворачивайся, пойдём по волне, – приложив ладошки ковшиком ко рту, Колька кричал против ветра, стараясь привлечь внимание старшего брата. – Гребем к острову!».

Ермак услышал и понял: похоже эта мысль пришла и к нему самому.

Остров Еловый находился в десятке миль от берега и был хорошо знаком добрякам. В ясную погоду он хорошо был виден с побережья, что вблизи от Дубравы. Виделся остров как зеленое в желтом

ожерелье возвышение над водой. На самом деле это был скалистый кусок суши, ступенями выходящий из воды. Поросший на средней ступени елями, с севера, то есть с норда, опоясанный снизу пляжем, вперемежку с черными зубами замытых песком камней и зарослями шиповника повыше. С юга – зюйда – уходящий резко в море вместе с отвесными скалами. Еловый был островом крошечным, всего шагов триста в длину, двести в ширину. В тихую погоду летом добряки захаживали сюда поудить крупного окуня, понырять со скальных уступов в море. А вообще остров был необитаемый: ни коз, ни робинзонов, ни папуасов, одни вороны и белки с севера, чайки на скалах с юга.

Вот в сторону Елового по воле волн, ветра и течения теперь и несло кунгас с ребятами. Ермолай развернул посудину носом к острову, и волна поддавала теперь сзади, с кормы. Брызг и ледяных струй воды за шиворот стало заметно меньше, но появилась другая неприятность – опасная: лодку поднимала попутная волна и норовила развернуть бортом, перевернуть. Колька безуспешно выворачивал рукоять мотора, пытаясь управлять, но помогало это мало. Все теперь

зависело от усилий Ермоши на веслах: ему надо было удержать лодку от разворота и править ее на остров. Нельзя было течению дать пронести себя мимо суши. А оно старалось.

Управление судном забирало много сил и внимания – бояться стало некогда. Между тем остров приближался: даже сквозь ветер и шум волн был хорошо слышен грохот прибоя. Не только опытный рыбак Ермак, но и знакомые с морем Коля и Есения понимали, что главное – не дать развернуть и перевернуть лодку вздыбленной у берега накатной волне. Ермоша изредка оглядывался, но больше полагался на брата: Коля, привстав, напряженно вглядывался в буруны у берега и кричал сквозь ветер: «правым гребь, правым! левое суши».

«Как бы не налететь на камни», – тревожились братья. И не зря: за пеной и грохочущими волнами разглядеть, где гладкий песчаный пляж, а где выступы скал было тяжело. Только когда вода скатывалась с пологого берега. Зато оставалась пена. Оставалось надеется на удачу. А она подвела.

Когда высокая прибойная волна подняла кунгас и понесла его на берег, ничего поделать уже было нельзя: оставалось только надеяться. Братья надеялись, а Сенька визжала от восторга. Когда, уже к счастью на спаде, волна шмякнула лодку об острый выступ торчащей из песка скалы, Сеня продолжила весело пищать, летя при этом кувырком в сторону откоса с шиповником на возвышении. Рядом в том же направлении молча летели братья. С ними улов и лодочный скарб. Приземлились в мокрый морской песок. Ермак вскочил первым и кинулся сначала

к сестре— она сидела цела-невредима, восторженно улыбалась, — затем к брату. Колька, вставая с колен, вытирал рукавом соленый песок с лица.

Лодка засела на скалистом зубе, почти скрытом песчаными наносами. Пока ребята приходили в себя, волна побольше сняла кунгас с камня и забросил дальше на пляж, к их ногам. Ермак с Колей бросились к лодке, чтоб оттащить ее подальше от воды, Есения заприметила лежащие невдалеке мешки с уловом и, пыхтя, потащила их по песку к обрыву, подальше от прибоя. Мальчишки, дождавшись очередной волны, с разгона потащили суденышко подальше от воды.

Перебрались на невысокий склон с густыми зарослями шиповника, нашли поросший пожухлой травой прогал среди колючек. Место было сухое, и, главное, густой кустарник прикрывал от пронизывающего ветра. Можно было перевести дух. Лодку с пробитым дном надежно закрепили с помощью якорного каната и якоря, вбитого между корней. Все добро с посуды перенесли повыше, на сухое место не доступное волнам. Мокрая одежда и пронизывающий ветер не располагали, однако, к покою, и Ермоша, вооружившись ножом для разделки рыбы, начал подрезать стебли сухо травы густеющей вдоль колючей стены шиповника. Коля с сестрой, еще не поняв в чем дело, стали собирать срезанную траву в охапки. Когда сена набралось вдоволь, Ермак не разрешил младшим зарыться в копну, а показал, что надо делать. Вот что: он начал заталкивать сено за пазуху и велел младшим делать тоже самое. Когда все стали похожи на трех толстяков, Ермак напихал обоим травы еще и сзади — под рубаху Кольке и платьишко Сеньке. Сенька подпоясалась веревкой, а Коля помог старшему брату.

Ворох с душистой травой хоть и уменьшился, но оставался приличным, чтоб ребята могли рухнуть в него, прижаться друг к другу, слегла обогреться и начать обдумывать во что они вляпались. Съели по несколько сырых креветок, передохнули, согрелись. Начало клонить ко сну: все здорово устали.

— Не спать! — загряс головой, прогоняя дремоту Ермолай, — надо подниматься выше, под ели. Дождь собирается, будем делать шалаш.

— Вставай, засоня, — взъерошил сенькины кудряшки Коля и подул ей в лицо.

Вздремнувшая было Есения захлопала своими густыми ресницами, глянула на братьев и неожиданно быстро вскочила на ноги.

— Куда бежим?

— На кудыкину гору, курс — зюйд, Ермак, потянув за край платья, усадил сестру на место.

— Давайте прикинем, что у нас есть и составим план. До дождя надо сделать шалаш, просушиться. Еда есть, вчера был дождь, в скалах есть наверняка выемки с водой. Шторм разгуливается, будет дня два-три. Раньше добряки выйти на поиск не смогут.

— Ночью будет холодно, ветер северный, хоть для морозов еще рановато, — рассудительно заговорил Колька, укрытие — главное. Помнишь, тут тропинки были наверх, вон за ту скалу, — Коля указал пальцем в сторону отдельно растущей вековой ели и темнеющего рядом скального уступа.

Ермолай хорошо помнил это место: ночевал там у костра пару раз, дожидаясь утреннего клева с друзьями-рыбаками. Откуда про это место знал младший брат он мог только догадываться, но спрашивать не стал: Колька знал множество неожиданных вещей.

— Коля, ты забрал с лодки мешочек с инструментами? Там ножик складной, помнишь?

Колька кивнул утвердительно и, зачем-то по-старчески кряхтя, начал подниматься. Получилось забавно: Сенька рассмеялась, Ермак улыбнулся.

Коля помог Ермаку взвалить на плечи мешок с крабами, сам подобрал другой — с креветками. Есения взяла моток веревок, алюминиевый ковшик, что она не выронила, даже выпадая из лодки, разделочный нож-тесак. Тронулись.

Тропинку Ермолай нашел сразу, как только продрались сквозь шиповник наверх. Едва заметная, но твердая, удобная тропа петляла круто вверх между елками разной толщины,

высоты и густоты. Идти было не далеко, хоть и не просто – с грузом-то. Скоро, Ермак запыхавшись, Коля, внимательно оценивая место, Сенька – вприпрыжку, – вышли на небольшую скальную площадку, скрытую до этого каменным выступом и огромной густой елью. Сразу стало теплей, спокойней: ветер сюда не доставал. Неподалеку со скального козырька капала вода, скапливаясь в небольшой округлой выбоине глубиной в пару ладоней, прежде, чем стекать по крутой стенке вниз, на береговую гальку. У старого кострища валялись несколько бурых поленьев. Две добротные рогатины и обгоревшая палка над серым пеплом были вполне пригодны для использования по назначению.

Коля с сестрой занялись шалашом: брат срубил тесаком несколько тоненьких осинок, что нет-нет да мелькали в ельнике, начал собирать каркас, приткнув его к мощному еловому стволу. При этом он получил сухую землю и надежную крышу в виде густых еловых лап векового дерева. Сенька помогала сначала, затем занялась сбором сухих веток для костра – так велел старший брат.

Ермолай меж тем из гибкой ветки толщиной в палец и куска бечевки, что нашлась у запасливого младшего в необъятном кармане, соорудил что-то вроде маленького лука. Обернув бечевку-тетиву вокруг сухой еловой палочки, он двигал своим луком как смычком скрипки туда-сюда, палочка крутилась. То есть иногда крутилась, иногда застревала в углублении в сухом куске дерева. Её Ермак старательно вставлял каждый раз обратно, как только она оттуда выскакивала.

– Ты что делаешь? – остановил свою работу Колька, с любопытством наблюдая за действиями старшего брата.

– Не видишь, огонь добываю, – немного сердито пропыхтел Ермак, продолжая дергать свой таинственный прибор. Ни дыма пока, ни огня тем более, все не появлялось.

– А если спичками? – по происшествии некоторого времени, потраченного на наблюдение за добыванием огня, сочувственно спросил Колька.

– Готовься меня сменить, – смахнул со лба рукавом пот Ермак и с еще большим усердием продолжил свою работу. Остановился он только тогда, когда младший потряс перед его носом коробком спичек.

Убегая с надетым на уши самодельным лучком вниз по тропе, Колька отчаянно верещал: «Я запамятовал! Забыл, что они там в кармане. За-те-ря-лись!». Последнее слово он заглотил, зарывшись носом в сухие еловые иголки вперемешку с грязью, когда споткнулся на повороте.

Ермак не стал его преследовать, покачал головой, улыбнулся, поднял спички и зашагал к кострищу.

Здесь стоит немножко отвлечься и напомнить, что Колю считали самым умным мальчиком в Дубраве: он мог складывать, умножать, делить в уме любые числа, сочинять частушки, много читал, знал, мог затеять и организовать любое дело, но при этом ... При этом, задумавшись, мог долго хлебать вилкой суп или упорно доказывать бином Ньютона Барбоске.

Осенний день короток, но до прихода сумерек ребята успели сделать прорву дел: соорудили шалаш, развели костер и сварили в ковшике, взятом с лодки, изрядное количество креветок. В нем же потом сварганили компот из румяного, крупного шиповника, собранного на берегу неутомимым Ермошей. С берега же были принесены сетчатые ловушки, куда пересыпали улов из мешков. Еще живых крабов опустили в ловушках со скалы вниз, в морскую воду. Мешки разрезали и просушили. Ко времени, когда порывы ветра начали забрасывать капли мороси за уступ, скрывавший ребят, они успели и согреться, и подсушить одежду.

Скала, за которой нашли убежище братья с сестрой, не только закрывала от северного ветра, но -хоть и не совсем – и от дождя, так как слегка нависала над террасой.

Уже стемнело, а ребята все сидели у костра, вновь переживая и обсуждая свое опасное приключение. Еда, вода, укрытие – все это у них на ближайшее время было. Беспокоило состо-

яние лодки, но они в любом случае рассчитывали на своих друзей-добряков, что непременно придут на помощь, как только утихнет шторм.

– Ермоша, а ты не перепутал свечи, когда их намедни менял, – раздумчиво протянул Колька, передавая сестренке ковш с горячим, слегла пахнущим розой, напитком.

Ермак задумался.

– Не-а, старые я дома оставил. Вернемся, покажу. Да сам глянь, сверху еще смазка.

Порывшись в кармане, Ермолай вытащил на свет обгоревшую свечу зажигания, что снял в море с мотора, протянул Коле. Тот взял её, внимательно осмотрел и положил на коленку Есении. Принял от нее ковш со взваром, но пить не стал.

– Сень, а мороженое не горькое было? Животик не болел? Думаешь, я не заметил, что половину припасов уволок к горюнам?

Сенька потупилась, пнула туфелькой головешку обратно в костер и, может быть, покраснела. Заметить это на смуглом личике в сумерки было делом невозможным.

– Мороженое было сладкое, особенно клубничное, пахучее.

Пауза, молчок, раздумье.

– Я извиняюсь, больше не буду. Коль, ты думаешь они плохие?

Колька не ответил, так как был занят в этот момент поглощением компота. Ковш большой и пить из него неудобно: часть пахучей жидкости неизбежно попадает на рубаху и за пазуху. Туда же попала и ягодка шиповника, проскочив мимо рта. К счастью, не горячая.

– Котыч считает, что купцы эти прикидываются и шипит на них, не доверяет. А братья в ответ его самого опасаются. После клуба особенно. Остерегаются, обходят и вроде как тоже шипят. Ермоша, свеча новая, но как бы ненастоящая. Легкая. Как понарошку. Так же, как и мороженое. Думаю, что наестся этим мороженым нельзя. Что скажешь, Сенька?

У Есении готового ответа не было, но, подумав, она неуверенно промолвила:

– Правда, братик, я могла есть и есть, хоть бочку: все мало, как я этого не заметила? Я яблоко-то одно от силы могу скушать и животик больше не хочет.

Усталость брала свое: голоса становились сонными, Ермоша, вздремнув на полуслове, чуть не рухнул с обгорелой чурки, на которой сидел сгорбившись, в костер. Все, спать! Костер на ночь тушить не стали, только заложили слегка камнями.

Ткань от мешков, когда просохла, стала колючей, но лучшего одеяла у них не было. В шалаше было сухо, после костра прохладно поначалу. Нырнули в сено, что разложили загодя поверх трех слоев лапника, уложенных аккуратно на сухую хвою. Укрылись мешковиной. И тут же дружно засопели.

Ночью ветер разгулялся не на шутку, дождь захлестал сильней. Старая ель заскрипела, зашумела колючими мохнатыми ветками. Море ухало прибоем. А ребята, пригревшись, спали, не слышали ничего аж до рассвета.

Колька проснулся от того, что ему на нос упала холодная капля. Правда, не сразу: пытался в полудреме осознать где он, откуда вода. Вторая капля шлепнулась на лоб. Все встало на свои места: шторм и все за ним. Сенька с Ермошкой тихо сопели рядом, свет тускло пробивался со входа в шалаш, закрытого лапником не так плотно, как крыша. Коля убрал в сторону от капли голову и стал слушать. Капало еще в двух местах и это было очень хорошо: всего в двух – шалаш не подвел. Вылезать наружу из влажного тепла не хотелось, да и было незачем. Снаружи гудел ветер, стучал дождь. Есть пока не хотелось, да и писать пока тоже. Так и лежал, закинув за голову руки, слушал шум непогоды. Думал: сейчас проснется брат, всех растормошит, выдаст указания. А что толку суетиться? Еда, вроде, есть, лодку пока чинить невозможно: пляж скорее всего захлестывает волнами. Костер в такой дождь и ветер ни разжечь, ни поддержать. Оставалось думать. В голову полезли мысли очень тревожные: что за дела со свечами? Просто жадность горюнов до дешевого, неладного товара? Или их хотели свести со света? «Когда вернемся надо будет потолковать с Котычем», – вертелось в рыжей лохматой голове.

То, что они вернутся, не вызывало никаких сомнений и у Ермака. Во всяком случае он их не проявил, энергично тряс за плечо давно уже не спавшего младшего брата.

– Подъем, за работу!

– Какую работу, – полюбопытствовал Колька.

– Дайте еще немного поспать, – пропищала из-под мешка Сенька.

– Пошли лодку посмотрим, надо же что-то делать.

– Ермоша, давай силы побережем, дай хоть дождю закончиться. Промокнем: где сушиться.

– Ну да, это правда, – было слышно как Ермак заскреб свои жесткие кудри. Скрыб, скрыб.

– Коль, ты свечи не потерял?

– Я как раз, братик об этом думаю. Беда, мне сдается, у нас в Дубраве. Я про горюнов. Подозреваю: вороги они. Увидишь, за свечи они извинятся, новые дадут. Будут приговаривать: «Ой, бяда, бяда». И пританцовывать. А делать все по-своему продолжат.

Ермак в темноте улыбнулся: так он и представлял будущий разговор. В голову ему пришло другое: «Сам заметил, что ребята трутся вокруг них, тащат из дома все напролет. Рыбу, икру. Сложно зиму-то прожить без рыбы. На овсе, да на картошке. Охотники, конечно, дичью поделятся, да я гляжу они уже и мясо копченое потащили в лабаз».

Ермак прервал себя на полуслове, откинул мешковину и выскочил из шалаша под дождь. Вернулся быстро, держа перед собой ковшик со вчерашними вареными креветками.

К обеду дождь лить перестал, ветер сменил направление с норда на ост (то есть с севера на восток, что всем рыбакам известно). Коля с Сенькой занялись костром, а Ермак рванул по тропе на берег.

Лодка была полузанесена песком, но беглый осмотр показал, что новых повреждений не появилось. Со сменой направления ветра волны хоть и накатывались, били в берег, но пляж водой больше не заливало. Ермак побрел вдоль берега, сам пока не зная зачем. Высокая вода очистила береговой песок и скалы, забросила валом водоросли, бревна, ветки, плававший мусор к береговому откосу. Ермак нашел неразбитое пластиковое ведро без ручки, подобрал, бросил в ведро несколько бутылок из-под кока-колы и только потом заметил под листьями морской капусты торчащий наружу угол морского поддона. Полутораметровый «поднос» для укладки грузов в трюмах судов, сколоченный из двух деревянных щитов один над другим, был сбит из добротных досок и по виду не сильно пострадал. «Дело, – подумал Ермак, разгребая склизкие, сильно пахнущие морем, длинные листья капусты, – здесь тебе и доски, и гвозди». Он вытащил поддон на скалы, где повыше и посуше, вырезал несколько мясистых ломтей позеленей из капустной ленты, думая сварить на ужин, и заторопился обратно наверх, к шалашу.

Промокший и уставший, груженный добром, подобранным на полосе прибоя, он не сразу заметил на каменистой тропе следы. Рядом с его собственным следом на редких глиняных языках, сползших на скальную дорожку, отчетливо виднелись медвежьи когтистые отпечатки. Мальчишке стало плоховато: след вел к лагерю. Ермак рванул вверх по тропинке. Он что-то заорал, бросил все, что тащил и зачем-то раскрыл на бегу перочинный ножик. Это-то против медведя?

Над лагерем мирно клубились облачка дыма, плыл белковый запах вареного краба. Сенька с Колькой деловито суетились у костра. Запыхавшийся Ермолай быстро окинул взглядом поляну, заглянул под деревья. Никаких медведей. Сеня, увидев брата, радостно заулыбалась и вопросительно вздернула подбородок. «Все нормально», – успокоительно махнул рукой Ермак и побрел по тропе обратно за брошенным добром.

На следующий день, используя тяжелый разделочный нож и обкатанные морем увесистые куски скалы, ребята разобрали поддон на доски, вытащили пару десятков гвоздей, разогнули и выпрямили их как могли. Заострив концы двух досок, сделали из них подобие лопат. На

то, чтобы освободить кунгас от песка, ушел весь день. К вечеру смогли определить ущерб: надо было установить на место и сколотить вместе разбитую центральную доску, укрепить места надломов, законопатить щели. Коля предложил также привязать по бревну с каждого борта лодки, чтоб увеличить плавучесть. Завтра с утра предстояло поставить лодку на ребро, подпереть ее – иначе работу не сделать. Задача для пацанов. Сенька не в счет: уж очень она непростая.

В сумерках усталые, но, как принято говорить, «довольные собой», Добряки побрели по тропке в лагерь. Ветер хоть и задувал, но дождя не было, и даже в разрывах кудлатых туч на горизонте проблескивали лучи заходящего солнышка. Повеселело. Ермак даже про медвежьи следы забыл.

Вернувшись поутру на берег, чтобы продолжить работу, едва ступив на береговой песок, все трое остановились как вкопанные, не доходя до лодки. Кунгас был вытащен из песка, перевернут и поставлен одним бортом на обрубки стволов деревьев. Доски днища были вправлены в свои места. Только не сколочены.

– Это Медведь, – вырвалось у Ермоши. Он осмотрелся вокруг, помог Кольке быстрым движением руки захлопнуть рот и подмигнул Сеньке.

– К-к-какой Медведь? – хором поинтересовались младшие.

– Сейчас понимаю, что не кусачий. Старший присел на бревно, что загадочным образом оказалось возле лодки, внимательно посмотрел на другое неподалеку, затем продолжил:

– Позавчера я видел следы вроде как медведя неподалеку.

– И нам не сказал, – с укором покачал головой Коля. Сеня восторженно улыбнулась.

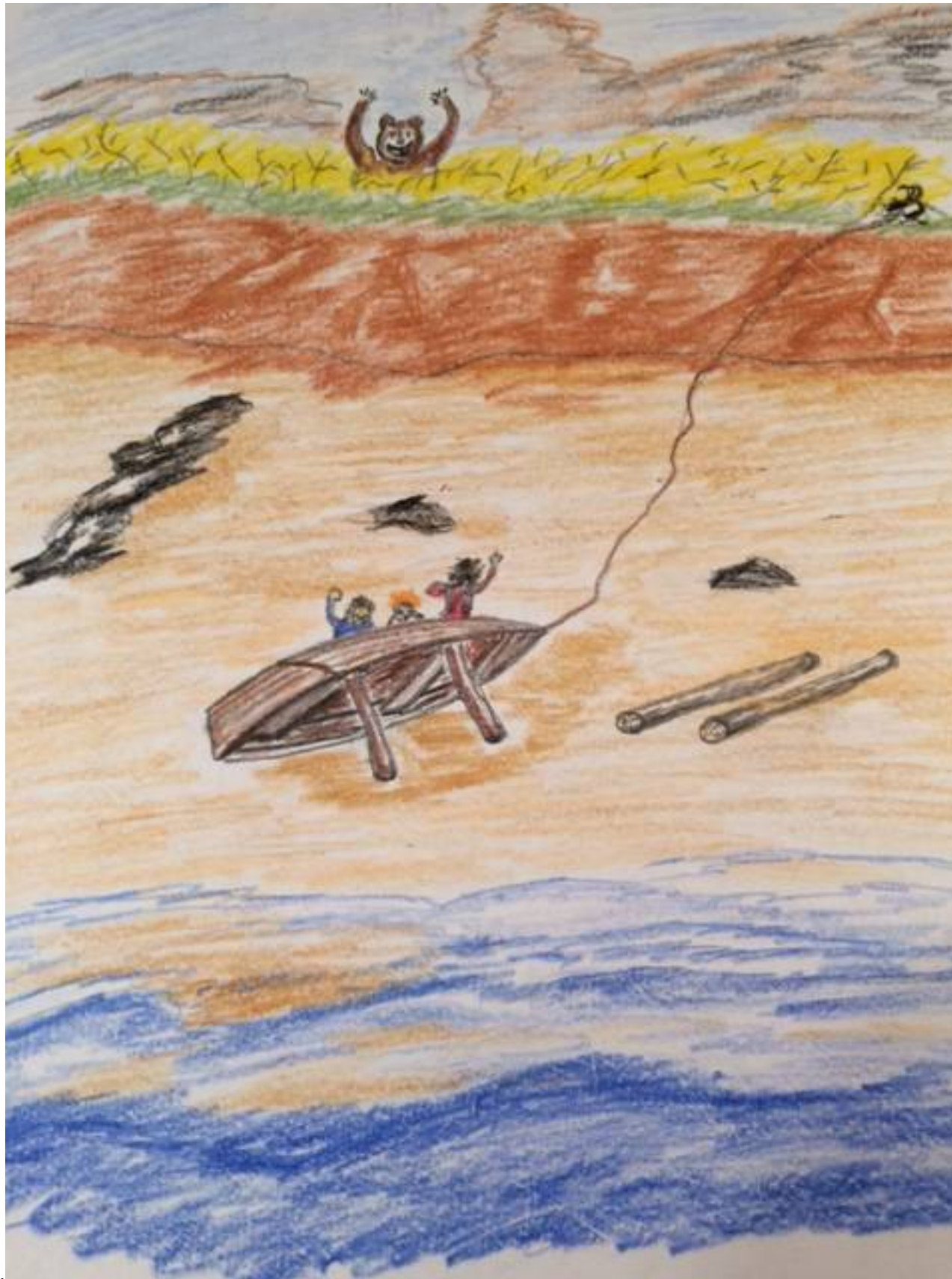
– У нас мишка в гостях, вот здорово! У младшей одно счастье на лице. Сенькина улыбка во весь рот открыла отсутствие пары зубов: один сверху, другой снизу. Из загадочной черно-окой чаровницы она сразу превратилась в задорного чертенка. Благо ее смолистые кудри торчали во все стороны.

Всем почему-то стало весело. Они переглянулись, разглядели чумазные лица друг друга и стали дружно хохотать, показывая пальцем то на одного, то на другого. Вообще-то показывать пальцем на кого-то не очень вежливо, заметим, но развеселившееся семейство так не считало.

Ермолай отрезал кусок лодочного каната и поручил Есени распустить его на пряди, годные для того, чтобы проконопатить лодку, а сам с братом отправился вверх по тропе к растущим порознь старым елям. Коля сразу сообразил зачем: надо было собрать древесную смолу-живицу, чтоб замазать щели – пазы между досками лодочного днища.

пазы, залили, замазали разогретой смолой, поверх разломанных досок для надежности приколотили несколько планок от поддона. Лодку перевалили на подготовленные заранее бревнышки, что в изрядном количестве валялись по всему берегу. Это чтоб можно было как на колесах столкнуть судно на воду. Осталось дожидаться погоды,

спустить кунгас на воду, привязать бревна-поплавки с бортов – и можно в путь.

Домой.

Вот и долгожданное утро. После того, как Колька потянулся, протер кулачками глаза, почесал ломившую со вчерашней напряженной работы спину, он понял: что-то не так. Не так, но хорошо. И этим «хорошо» были веселые лучики солнца, что пробивались сквозь лапник

шалаша прямо на рыжие Колькины ресницы. И потом: было тихо: ель не скрипела, шум прибоя еле слышен, капли дождя не стучат по крыше и не падают на нос.

– Домой! Хочу овсянки, долой мясо краба! Коля отпустил щелбана Ермаку, нашел сенькину босую пятку и пощекотал ее указательным пальцем.

– Че орешь-то? – больше для порядка спросил Ермолай и одним ловким движением выметнулся из шалаша наружу.

Солнца из-за скал видно не было, но оно присутствовало повсюду: на стволах елей, на глянцевых изломах скал, в лужах. В Сенькиных блестящих, как уголь антрацит, глазах. Воздух пронизывающий, по-осеннему хрустящий, но ребята поначалу холода не ощущали. Затем кинулись разводить костер.

Ко времени, когда солнышко начало прогревать воздух, семейство уже успело скатить по бревнам кунгас на воду, подрулить к нему бревна-поплавки как придумал Колька. Несмотря на старания законопатить, заткнуть все щели в днище, судно протекало. Не ручьем, но так, что Сеньке пришлось изрядно помахать ковшиком, чтоб убрать воду и не дать ей скапливаться. Снова вытащили лодку на песок, подвязали к ней вдоль бортов бревна. Помогая кольями, вновь спустили лодку на воду. Подождали. Вода набралась, закрыла даже дно, но выше подниматься не стала: привязанные бревна не давали кунгасу тонуть.

– Ну вот, можно и в дорогу, – забросил в лодку последнюю ловушку, затем весло Ермак.

– Рано, вглядываясь в волны, произнес Коля. Надо ждать прилива, иначе нам грести часов десять. А по приливу, с течением, авось часа за три и дойдем.

Все с ним согласились, пацаны уселись в лодку и стали ждать, вглядываясь в далекий берег. Сенька присела на чурбачок на берегу и окинула взглядом покидаемый остров. Почему-то стало грустно. Солнце по-доброму окрасило янтарный песок, могучие, зеленые с голубым ели, желтеющие заросли прибрежного шиповника. Вдруг взгляд Есении наткнулся на бурый выступ среди желтизны кустарника. Она всмотрелась и замерла: из кустов, скрытый по пояс, на нее глядел огромный медведь. Сенька, конечно, не испугалась: с чего бы это ей медведей бояться. Особенно, когда они улыбаются. Хоть и далековато было, но бесстрашная девчонка ясно разглядела, что у топтыгина на верхней челюсти не хватало зуба. «Как у меня», – улыбнулась навстречу Сеньке и помахала рукой. Медведь весело помахал двумя лапами в ответ и исчез. Сколько Есения ни вглядывалась, никого больше на берегу она не увидела.

Подождав, когда через часок вода начала подниматься, мальчишки взяли за весла, сестренку посадили на корму рулить. Тронулись. Когда еще через час ребята начали уставать и сбавили темп, Сеня поднялась с банки-скамейки, приложила ладошку козырьком ко лбу и, всматриваясь в морскую даль, буднично произнесла: «А вот и наши летят навстречу».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.